

- Цзян Сюнь тогда стоял примерно здесь, а я у двери своей комнаты, - Тан Байшань указал на место и сказал, что расстояние между ними было примерно четыре чжана*. Он встал на то же место, что и вчера, и они убедились, что в такую ясную ночь человека можно было легко разглядеть - Тан Байшань и Юань Лянцзюнь были соседями, их комнаты находились очень близко.

Гуань Давэй велел одному из подчиненных встать на место, где стоял Цзян Сюнь, а сам встал у двери Тан Байшаня. Он подтвердил:

- На таком расстоянии, при ярком лунном свете, все вполне можно разглядеть.

Тан Байшань добавил:

- Он тогда шел в эту сторону. Думаю, он увидел меня и остановился, услышав мой оклик. Увидев, что это он, я вздохнул с облегчением. Но я больше не мог терпеть, поэтому просто кивнул ему и побежал в туалет. А, я вспомнил! Кажется, когда я отвернулся, он тоже повернулся. Но я видел это боковым зрением, поэтому не уверен. Может быть, это было просто мое воображение.

Фэн Хуань поднял бровь.

- То есть он тоже тебя увидел?

Тан Байшань кивнул.

- Он наверняка меня увидел. Я крикнул негромко, но было так тихо, что он, стоя там, должен был меня услышать.

Тан Байшань повторил сцену, как он выходил из комнаты. Хотя его голос был негромким, но даже днем, когда было гораздо шумнее, его было слышно. Между ними не было никаких препятствий, поэтому они оба должны были видеть друг друга.

Великий наставник погладил бороду.

- Если бы Цзян Сюнь знал, что его заметили, стал бы он убивать, чтобы подвергнуть себя риску? Если это действительно его рук дело, то он либо слишком смел, либо слишком глуп.

Гуань Давэй холодно фыркнул:

- Именно поэтому он и подставил Хань Чуаня, чтобы отвести от себя подозрения. Ха, действительно умно, даже я чуть не попался на его уловку.

Уголок рта Чжуан Чжуна дернулся. Он не питал никакой симпатии к Гуань Давэю, который делал поспешные выводы, чтобы поскорее закрыть дело и приумножить свои заслуги. Если бы он тщательно все изучил, то не делал бы столь поспешных выводов. Но в его словах был определенный смысл, пусть выводы и были слишком опрометчивыми.

Если бы он был Цзян Сюнем, он бы точно не стал убивать после того, как его заметили. Их ссора днем была не такой уж и серьезной, чтобы привести к убийству. Однако в мире полно вещей, которые противоречат здравому смыслу. Это было лишь одно из предположений, поэтому нельзя было поддаваться влиянию и терять объективность, чтобы не пойти по ложному следу.

Чжуан Чжун спросил:

- Ты сказал, что, когда выходил, услышал какой-то шум?

Тан Байшань кивнул.

- Да, я не могу вспомнить, что это был за звук. Тогда меня больше волновал живот. Звук был негромкий, но среди ночной тишины он показался пугающим. Может быть, это просто ветер стучал в окно.

- Повернись и внимательно прислушайся, - Фэн Хуань дал знак охраннику, стоящему рядом с ним. Тот кивнул и залез в окно. Перелезая, он задел раму, и раздался глухой стук.

Тан Байшань покачал головой.

- Нет, звук был не таким громким. Если бы я услышал такой шум, то понял бы, что кто-то забирается внутрь, и не оставил бы это просто так.

Фэн Хуань велел охраннику повторить еще раз. На этот раз охранник гораздо меньше касался окна и удерживал равновесие во время движения, в результате чего звук был гораздо тише - всего лишь слабый шелест, как будто ветер ударил по стеклу.

Тан Байшань нахмурился и некоторое время колебался, прежде чем сказать:

- Похоже, но я не могу быть полностью уверен. Я только открыл дверь и вдруг услышал какой-то звук. Я испугался и у меня болел живот, поэтому я запомнил только, что меня что-то напугало.

Гуань Давэй заметил:

- Даже если это тот самый звук, он неотличим от звука ветра, бьющего в окно. Одно этого

недостаточно, чтобы утверждать, что именно в тот момент кто-то проникал внутрь.

Без доказательств того, что кто-то залез в окно, Цзян Сюнь оставался подозреваемым. Он мог проникнуть в комнату, пока Тан Байшань был в туалете, и убить Юань Лянцзюня.

Фэн Хуань, подумав, спросил:

- Ты слышал какой-нибудь шум, когда возвращался из уборной?

Тан Байшань покачал головой.

- Нет. Когда я вернулся, я остановился у двери, посмотрел в сторону, где был Цзян Сюнь, и, увидев, что его нет, зашел в комнату.

В этот момент кто-то подбежал.

- Ванъе, Великий наставник, сые, Гуань-дажэнь! Цзян Сюнь очнулся!

В комнате поднялась суматоха, но Фэн Хуань не сдвинулся с места. Другие, хоть и были встревожены, не смели идти без него.

Фэн Хуань спросил:

- В каком он сейчас состоянии?

Пришедший вздохнул.

- Он смотрит в одну точку, как деревянная кукла. Он не слышит и не говорит, и мы даже не можем дать ему лекарство. Лекарь сказал, что его здоровье и так было слабым, но он пренебрегал собой, мало отдыхал, его организм уже был истощен. А теперь, когда он пережил такой шок, тело просто не выдержало. Так что дело не только в душевном расстройстве, но и в физическом истощении.

Чжуан Чжун ухватился за одну фразу:

- Лекарь сказал, что у него слабое здоровье?

- Да. Он сказал, что даже без сегодняшнего инцидента вскоре что-то пошло бы не так - он просто доводил себя до предела. Хотя ему еще нет двадцати, но его тело, как у старика - он задыхается после нескольких шагов. Его обморок сейчас был вызван не столько нервным потрясением, сколько тем, что его тело не смогло выдержать такую резкую нагрузку, когда он

начал бегать.

Чжуан Чжун не удивился. Цзян Сюнь был чрезвычайно прилежен, спал всего по несколько часов. Он посвящал себя исключительно книгам, пренебрегая физическими упражнениями, и редко бывал на солнце, так что его плохое здоровье было неудивительно. Он был очень худым, а под глазами всегда были синяки. Он постоянно ходил, сгорбившись, излучая атмосферу глубокой угрюмости.

Великий наставник был озадачен.

- Как такой слабый человек мог убить Юань Лянцзюня, ростом больше пяти с половиной чи*? Хотя он был убит одним ударом, для этого все же требуется значительная сила.

Гуань Давэй ответил:

- В то время Юань Лянцзюнь спал. Скорее всего, ему перерезали горло, прежде чем он проснулся, поэтому он не смог отреагировать. Даже слабый человек, если он владеет техникой, может это сделать.

Великий наставник возразил:

- Это так, но Цзян Сюнь из небогатой семьи. Откуда бы ему знать техники убийства? Такой умелый удар ножом, безусловно, не дело рук обычного человека.

Гуань Давэй холодно фыркнул.

- Как глава Императорской академии, вы, естественно, считаете всех учеников добродетельными. Но на самом деле эти ученики далеко не так просты, и они совершили много поступков, которые нельзя назвать хорошими.

Гуань Давэй больше всего ненавидел учеников Императорской академии. Его друг, чиновник при дворе, был свергнут именно этими учениками, которые написали против него доклады. Среди людей они были известны своей высокомерностью. Некоторые ученики даже принимали взятки и писали жалобы, чтобы оклеветать чиновников. Все боялись их, как свирепых тигров. Хотя в последнее время они стали несколько сдержаннее, Гуань Давэй знал, что многие из них по-прежнему бесчинствуют в столице. Если не происходило серьезного правонарушения, градоначальник редко вмешивался лично. В обычных делах мелкие чиновники не смели связываться с этими красноречивыми учениками.

Так происходило уже очень долгое время, и, хотя такое положение дел несколько раз пытались изменить, все раз за разом возвращалось на круги своя.

Великий наставник нахмурился.

- С тех пор как я взял на себя руководство, ученики добросовестно следуют правилам. Не порочьте их доброе имя!

Гуань Давэй усмехнулся:

- Великий наставник, я, Гуань Давэй, никогда не говорю без оснований. Если бы я не знал некоторых вещей, разве я мог бы делать такие заявления? Разве я не знаю, на что способны ученики Императорской академии? Лучше держаться от них подальше, чтобы не навлечь на себя неприятности. Как я мог бы осмелиться распространять беспочвенные слухи? Я не хочу потерять свою должность.

- Это правда? У вас есть доказательства? - Великий наставник нахмурился. Он всегда требовал строгой дисциплины, но услышав, с какой уверенностью говорит Гуань Давэй, засомневался. Неужели кто-то действительно творил зло у него под носом?

Гуань Давэй, который часто бывал среди простого народа, многое знал о поведении учеников Императорской академии. Он презрительно сказал:

- Правда это или нет, вы можете спросить у людей на улицах. Теперь, когда чиновники больше не слушают их, они не осмеливаются провоцировать влиятельных людей, и нападают на мелких торговцев, у которых нет покровителей. Они заставляют их продавать товары по заниженным ценам, и даже требуют займы на невыгодных условиях, оставляя торговцев в полном отчаянии, без возможности подать жалобу. Говорят, что берут в долг с процентами, но когда приходит время платить, они просто переносят долг на следующий раз. Старые долги остаются непогашенными, а новые накапливаются.

Подробный ответ Гуань Давэя только укрепил подозрения Великого наставника в том, что ученики Императорской академии ведут себя нагло. И, похоже, эти обвинения имели под собой почву.

Великий наставник смущенно поклонился Фэн Хуаню.

- Это моя вина. После того, как этот вопрос будет решен, я проведу тщательное расследование и предоставлю ванье удовлетворительное объяснение.

Фэн Хуань нахмурился. Он действительно не знал об этом, хотя давно подозревал, что ученики Императорской академии обладают чрезмерной властью - даже высокопоставленные чиновники, казалось, боялись их. До этого ученики Императорской академии уже поднимали шум, обвиняя его в нарушении порядков при дворе. Это привело императора Цяньсина в ярость, и он отправил Фэн Хуаня в академию, приказав исключить всех, кто ему не нравится, с запретом когда-либо занимать чиновничью должность. Когда некоторые угрожали покончить с собой, пригвоздив себя к столбам, чтобы продемонстрировать свою решимость, Фэн Хуань издал указ: любой, кто прибегнет к угрозам самоубийства, лишит всю свою семью права сдавать императорские экзамены, занимать должности при дворе и даже учиться в государственных школах. Эта жесткая позиция подавила беспорядки, укрепив нынешнее

положение Фэн Хуаня. Это показало людям, насколько велика была власть, данная ему императором.

Он не ожидал, что после всех этих мер кто-то все еще осмелится творить бесчинства, как будто Фэн Хуань не представлял опасности.

Выражение лица Фэн Хуаня было мрачным.

- Вернемся к этому позже. Ван не проявит снисходительности к тем, кто сеет беспорядки.

Стоявший поблизости Чжуан Чжун услышал этот разговор. Он приехал в столицу недавно и изучал право, поэтому не знал о таких вещах. Для него Императорская академия была похожа на университеты в его прошлой жизни - университет Цинхуа или Пекинский университет. Он и не думал, что у учеников может быть такая огромная власть. В голове у Чжуан Чжуна мелькнула какая-то мысль, но она пронеслась слишком быстро, и он не успел ее ухватить. Оставалось лишь отложить этот вопрос на потом.

Состояние Цзян Сюня оказалось гораздо хуже, чем предполагал Чжуан Чжун. Он казался лишенным всякой жизненной силы, съежившись на кровати в полном изнеможении.

Независимо от того, что ему говорили, он казался отрешенным, весь его вид был пустым и ошеломленным. Только когда его спрашивали о чем-то, касающемся Юань Лянцзюня, в его глазах появлялись мимолетные эмоции.

- Дайфу*, когда он поправится? - Великий наставник испытывал смешанные чувства. Цзян Сюнь, хоть и был высокомерным и язвительным, был исключительно прилежным и выдающимся в учебе. Он всегда высоко ценил таких людей. Многие больше восхищаются талантом, полагая, что талант - это редкость, а усердие - обычное явление. Но скорее это не так. Чаще всего люди предаются иллюзии, что одно лишь усердие принесет успех, и в результате растрачивают свои природные таланты и просто впустую проживают свою жизнь.

Усердие требует настойчивости и переступания через себя. На самом деле, развить его не легче, чем талант.

Лекарь покачал головой и вздохнул:

- У него анемия и истощение. От потрясения его сознание помутилось. Ему нужно несколько дней полного покоя, чтобы прийти в себя, прежде чем можно будет с ним что-либо обсуждать.

Таким образом, Цзян Сюнь не мог сказать ничего больше. Почему он появился возле комнаты Юань Лянцзюня и был ли он действительно убийцей осталось неизвестным. Без достаточных доказательств, несмотря на серьезные подозрения, его нельзя было осудить.

Что касается отпечатка, то он был неполным и нечетким. Кроме того, поскольку в эту эпоху подошвы тканевой обуви были в основном одинаковыми, Чжуан Чжун сравнил его с другими и обнаружил совпадения с отпечатками обуви множества людей. Таким образом, эта зацепка была не очень полезной.

Гуань Давэй вышел из комнаты, явно раздраженный.

- Неужели мы никогда не сможем осудить этого человека, если он будет и дальше вести себя таким образом? Как мы будем судить дела впредь? Может быть, убийцы просто будут притворяться, что ничего не знают, и останутся безнаказанными?

Чжуан Чжун мог понять разочарование Гуань Давэя, поскольку раньше сталкивался с подобными случаями. Он терпеливо ответил:

- Если доказательства непроверяемы, убийца должен предстать перед судом даже без признания. Но в настоящее время мы знаем только, что Цзян Сюнь был рядом с комнатой вчера ночью на рассвете, и даже тогда он находился на расстоянии более четырех чжанов. Возможно, он просто проходил мимо, хотя это кажется маловероятным. Обвинять его только на основании этого было бы слишком поспешно.

У Гуань Давэя разболелась голова, когда он услышал слово «поспешно».

- Лаоцзы не может с тобой спорить, но разве мы должны просто глупо ждать, пока он не придет в сознание?

Фэн Хуань взглянул на Гуань Давэя.

- Как продвигается допрос остальных?

Гуань Давэй разочарованно вздохнул.

- В то время все спали. Они ничего не знают о том, что произошло. Никто не может подтвердить свое местонахождение или местонахождение соседа. На данный момент кого точно не было в своей комнате на рассвете - это Цзян Сюнь и Тан Байшань.

На лице Гуань Давэя промелькнуло хитрое выражение.

- В таком случае, Тан Байшань тоже подозреваемый!

Глаза Тан Байшаня расширились, когда он услышал это.

- Вчера у меня весь день болел живот. Как у меня могло быть время, чтобы кому-то навредить? К тому же, у нас с Юань-сюном всегда были хорошие отношения, как я мог причинить ему вред?

Гуань Давэй неторопливо сказал:

- Только ты знаешь, действительно ли у тебя были проблемы с желудком. У тебя тот же мотив для убийства, что и у Цзян Сюня. Успех не только устранил бы Юань Лянцзюня, грозного соперника, но и избавил бы либо от Хань Чуаня, либо от Цзян Сюня. Независимо от того, кто в конечном итоге был бы осужден, другому не повезло бы больше. Хань Чуань, разумеется, не смог бы спать по ночам, зная, что делил комнату с трупом. Как он мог бы сосредоточиться на предстоящих экзаменах на государственную службу? Что касается Цзян Сюня, он был возле комнаты в то время, и если ты припугнешь его этим, то он начнет нервничать и потеряет самообладание. Одним махом ты сможешь уничтожить трех соперников. Неудивительно, что твои предыдущие слова были такими расплывчатыми, намеренно двусмысленными. Казалось бы, ты оправдываешь Цзян Сюня, но на самом деле твои замечания направляют подозрения на него. Какой ядовитый, тщательно продуманный план!

Тан Байшань и представить себе не мог, что обвинения обрушатся и на него.

Ошеломленный, он долго молчал, а затем с возмущением ответил:

- Дажэнь, я не могу терпеть такую клевету! Хотя я и не выделяюсь ничем особенным, но я усердно учился более десяти лет и знаю, что такое позор и честь. Я стремился отличиться на императорских экзаменах, но никогда не опустился бы до таких презренных средств. Даже если бы я мог уничтожить тех, кто более достоин, чем я, означало бы это, что я должен прибегать к убийству всякий раз, когда сталкиваюсь с трудностями? Пить яд, чтобы утолить жажду - разве это поведение настоящего мужчины?

Гуань Давэй презрительно усмехнулся:

- Каждый убийца сладко поет перед лицом правосудия.

Тан Байшань оставался невозмутимым, стоя с руками за спиной, гордо и прямо, как молодой бамбук.

- Моя совесть чиста. Если вы намерены осудить меня на основании одних лишь домыслов, я буду защищать свое имя до самой смерти.

Чжуан Чжуну очень не понравился насмешливый тон Гуань Давэя, но он не мог отрицать, что в его словах была доля правды. Пока истина не будет установлена, любой остается подозреваемым. Но почему Цзян Сюнь оказался рядом с этой комнатой, оставалось загадкой. Он был не из тех, кто бродит без цели, его распорядок дня был почти неизменным. По крайней мере, за месяц, проведенный в академии, Чжуан Чжун ни разу не видел, чтобы Цзян Сюнь

выходил за пределы общежития, столовой или классных комнат. Он никогда не навещал других, у него было мало друзей, и он всегда держался в стороне.

Он не имел склонности к неспешным прогулкам и любованию видами, он весь день сидел за книгами, типичный книжный червь. Его присутствие здесь поздно ночью было явно странным.

Может быть...

Глаза Чжуан Чжуна загорелись.

- Я думаю, что есть три возможных объяснения внезапному появлению Цзян Сюня здесь поздно ночью. Первое - он пришел убить Юань Лянцзюня. Второе - он вчера вечером ошибся поворотом и случайно оказался здесь, хотя это кажется маловероятным. Третье - кто-то привел его сюда!

Великий наставник резко вскочил со стула.

- Ты имеешь в виду, что он мог увидеть убийцу и пошел за ним из любопытства?

Чжуан Чжун кивнул.

- Этого нельзя исключать. Я считаю, что мы должны тщательно обыскать всю академию. Не стоит заикливаться на том, что преступник - ученик. Возможно, посторонний перелез через стену и совершил убийство. Хотя это маловероятно, мы должны проверить это. Нельзя упускать из виду ни одну возможность!

Гуань Давэй закатил глаза.

- Опять за старое. Утренний осмотр комнаты затянулся на полдня, и ничего не выяснилось. Теперь ты хочешь обыскать всю академию? У нас и так не хватает людей. Это пустая трата времени.

Взгляд Фэн Хуана стал ледяным.

- Если ты не можешь справиться с этим, тебе не место на этой должности!

Гуань Давэй кипел от злости. Изначально простое дело стало невероятно запутанным, без единой зацепки. Если они что-то найдут, заслуга не будет принадлежать только ему, но если они потерпят неудачу, то ответственность ляжет на него. Ему следовало посмотреть в календарь*, прежде чем выходить утром из дома. Дело, которое, как он думал, принесет ему славу, вместо этого доставило ему проблем.

Несмотря на свое недовольство, Гуань Давэй мог только приказать своим подчиненным тщательно обыскать все вокруг.

Фэн Хуань обратился к стражникам:

- Тот, кто найдет важную зацепку, которая продвинет это дело, - я гарантирую два последовательных повышения по службе!

Стражники, которые еще мгновение назад были апатичны, мгновенно оживились. Их хором сказанное «Да!» едва не сорвало крышу.

Чжуан Чжун покачал головой и пробормотал:

- Это их обязанность. Если поступать, как ты, то в следующий раз, столкнувшись с делом, они не будут стараться без подобных поощрений.

Фэн Хуань поднял бровь.

- Раз смогли подняться, могут и упасть. Есть много людей, которые хотят занять их место.

- Ва... Ванье. Раз доказано, что я не убийца, можно ли мне уйти? - Робко спросил Хань Чуань.

После первоначального шока он наконец пришел в себя и только тогда понял, что от страха обмочился. Его штаны оставались мокрыми и испускали явный запах мочи, что вызывало у него сильное смущение.

Гуань Давэй с грохотом поставил чашку, от чего Хань Чуань вздрогнул.

- Пока не найден настоящий преступник, ты остаешься подозреваемым. Освободить тебя сейчас было бы слишком поспешным.

Слово «поспешно» звучало тяжело и было пропитано сарказмом. Гуань Давэй был в крайне плохом настроении и не хотел смотреть, как кому-то другому хорошо. Сегодня он был полностью унижен, подчинился приказам обычного мальчика, а Сы Чжао-ван поймал его на ошибке. Это было первое серьезное поражение за всю его карьеру при дворе, и ярость, бурлившая в нем, грозила сжечь его дотла.

Чжуан Чжун посмотрел на Хань Чуаня и внезапно спросил:

- Хань Чуань, ты когда-нибудь заходил на кухню?

Хань Чуань хотел забиться в угол, чтобы никто не мог его видеть, но Чжуан Чжун позвал его, и из-за этого он чувствовал себя еще более подавленным.

- На кухне? Зачем мне туда ходить? Я даже не знаю, где находится моя собственная кухня.

- Тогда ты бывал в зерновых лавках?

Хань Чуань был еще более озадачен.

- Почему ты спрашиваешь? Зачем мне ходить в такие места? С детства у меня были слуги, мне не нужно было таким заниматься. Сейчас, вдали от дома, я либо ем в столовой Императорской академии, либо хожу в рестораны. Зачем мне покупать зерно?

- Может быть проходил мимо такой лавки?

- Нет. Обычно я не хожу мимо подобных мест. В последнее время я в основном бываю на той улице, где в прошлый раз угощал вас лапшой-«головастик».

Хань Чуань чувствовал себя все более озадаченным, но ответил честно. Своей свободой от официального ареста он был полностью обязан Чжуан Чжуну.

Чжуан Чжун задумался. На той улице точно не было зерновых лавок.

- Тогда ты когда-нибудь касался муки?

Хань Чуань усмехнулся.

- Я часто ем лапшу, но никогда не трогал муку.

Глаза Чжуан Чжуна загорелись.

- Ты уверен?

- Абсолютно уверен! Если не веришь мне, спроси кого-нибудь другого. О, я хорошо общаюсь с Фан Сяном, мы обычно проводим много времени вместе. Он может это подтвердить.

Фан Сян поспешно сказал:

- Это правда. Дома мы никогда не прикасались к таким вещам, а с тех пор, как поступили в Императорскую академию, тем более.

Чжуан Чжун и Фэн Хуань переглянулись. Если это правда, то следы муки на ноже, скорее всего, попали туда не когда он был у Хань Чуаня. Это означало, что нож был испачкан, когда находился в руках убийцы, и вряд ли прошел через руки нескольких человек. Это еще больше снизило подозрения в отношении Цзян Сюня. Цзян Сюнь проводил большую часть времени в библиотеке, выходя только в уборную и столовую. Главная кухня Императорской академии была закрыта для посторонних, поэтому Цзян Сюнь не мог брать оттуда муку.

Точно так же можно было снять часть подозрений с Тан Байшаня. В тот вечер Чжуан Чжун и Тан Байшань оставались вместе. После того, как они съели лапшу-«головастик», они до ночи обсуждали математику, а затем разошлись. Главные ворота оставались закрытыми на ночь и охранялись караулом. Выйти без разрешения было нельзя, и все выходы регистрировались в специальной книге.

Чжуан Чжун поинтересовался у ответственного: в тот вечер никто не входил и не выходил.

Мог ли это быть помощник повара из столовой Императорской академии? Однако этим помощникам не разрешалось проживать на территории академии, и их передвижения были ограничены определенными зонами. Если только кто-то не перелез через стену, чтобы проникнуть внутрь.

- Хань Чуань, ты в последний раз видел нож перед тем, как пойти есть лапшу-«головастик»?

Хань Чуань кивнул.

- Отец велел мне проверять, что он при мне, перед каждым выходом.

- Ты заметил его пропажу только перед сном?

- Честно говоря, я не люблю носить его с собой. Какая польза от простого ножа? Если я встречу бандита, то даже с ножом не смогу его одолеть, поэтому я редко обращаю на него внимание, проверяя его только как сказал отец - перед выходом, - Хань Чуань был глубоко огорчен. Если бы он хранил нож должным образом, он не попал бы в эту затруднительную ситуацию. Кто мог быть настолько подлым, чтобы намеренно подставить его?

- После того, как мы доели лапшу-«головастик», куда ты пошел? Вспомни и нарисуй свой маршрут на этой карте, - Чжуан Чжун достал карту Императорской академии, которую он ранее попросил у Великого наставника.

Хань Чуань взял карандаш и осмотрел его.

- Эта писчая палочка довольно странная. Ей можно рисовать?

Карты были редкостью, а эта была исключительно подробной, вероятно, бесценной. Хань Чуань

был обеспокоен.

- Ничего, можно будет стереть.

Только тогда Хань Чуань взял карандаш и вспомнил, где он был накануне. Ему не потребовалось много времени, чтобы нарисовать маршрут. Поскольку вчера, когда он закончил есть лапшу-«головастик», было уже поздно, а Юань Лянцзюнь был зол на Цзян Сюня, Хань Чуань провел большую часть времени, утешая его, поэтому мало где был.

Чжуан Чжун нахмурился, изучая карту.

- Ты вчера не ходил в столовую?

Хань Чуань улыбнулся.

- После лапши-«головастик» я был сыт, поэтому не ходил.

Места, которые Хань Чуань посещал вчера, находились далеко от столовой. Помощникам столовой не разрешалось заходить так далеко, поскольку у них были четко определенные зоны ответственности, поэтому маловероятно, что они могли взять нож.

Круг подозреваемых вернулся к исходной точке.

- Есть ли в академии ученики, владеющие боевыми искусствами? - Внезапно спросил Фэн Хуань, просмотрев набросок Чжуан Чжуна с места преступления и отчет осмотра тела.

Великий наставник ответил:

- Насколько мне известно, все ученики совсем немного занимались боевыми искусствами. Нынешняя династия не столь воинственна, нежели прежняя, и ученые в основном презирают воинские упражнения. А ученики верхнего зала еще менее склонные к таким занятиям. Большинство из них - слабые ученые, даже Юань Лянцзюнь не мог похвастаться мастерством.

Фэн Хуань поднялся со стула и приказал:

- Все во двор для тщательного осмотра, особое внимание уделить углам стен и подобным местам!

В этот момент ворвался стражник:

- Ванье, нашли кое-что!

Все последовали за стражником на улицу, где один угол стены был окружен. Увидев приближающихся Фэн Хуаня и сопровождающих его людей, толпа расступилась, чтобы пропустить их.

Один из стражников сказал:

- Ванье, на стене обнаружен отпечаток обуви, а наверху стены следы муки.

Чжуан Чжун поспешно взял увеличительное стекло, чтобы проверить. Отпечаток на стене был частичным отпечатком передней части стопы, более глубоким, чем тот, что был виден на подоконнике. Муки на стене было совсем немного, без тщательного осмотра ее можно было легко принять за золу. Благодаря зоркому глазу стражника этот след заметили. Слова Фэн Хуаня действительно преобразили этих людей. Раньше никто не заметил отпечаток на подоконнике, а теперь они могли различить следы муки на такой высоте.

- След подошвы такой же, как на подоконнике.

Фэн Хуань взглянул на него с помощью увеличительного стекла, и под увеличением след стал исключительно четким.

- За этой стеной улица?

Великий наставник ответил:

- Да, улица.

За стеной росло большое дерево, некоторые ветви которого простирались во двор. Стена была выше человеческого роста и Чжуан Чжун не мог по ней взобраться.

- Где лестница? Я поднимусь и посмотрю.

Фэн Хуань выхватил увеличительное стекло из рук Чжуан Чжуна и усмехнулся:

- Вот проблемный.

Не дав Чжуан Чжуну опомниться, Фэн Хуань сделал два шага назад, разбежался и одним быстрым прыжком взлетел на стену. Это не было преувеличенной акробатикой, которую можно увидеть в фильмах о боевых искусствах, а скорее ловкостью паркура, хотя и гораздо более стильной на вид.

Фэн Хуань осмотрел все с помощью увеличительного стекла, а затем прыгнул на дерево.

Другие испугались, увидев это, но охранник, который был с Фэн Хуанем, оставался совершенно спокойным, уверенный, что с ним ничего не случится. Несмотря на свое благородное происхождение, Фэн Хуань всегда усердно занимался боевыми искусствами и достиг в них большого мастерства.

Завершив осмотр, Фэн Хуань прыгнул с дерева на стену, а затем вниз на землю.

- Кто-то, должно быть, использовал дерево, чтобы запрыгнуть во двор, а затем перелез через стену, как и я. Одежда была испачкана мукой, и следы муки остались на стене, когда этот человек перелез через нее. Хотя ее немного, но это достаточное доказательство, - Фэн Хуань хлопнул в ладони. - Кто только что обнаружил это место?

Взволнованный стражник подбежал, опустился на колени и, запинаясь, пробормотал:

- Этот... Этот ничтожный.

Стражник был неприметным - невысоким и худощавым. Ему даже не поручили обыскивать комнату. Если бы он не сделал это открытие, Фэн Хуань вряд ли бы его заметил.

- Ты внимательный. С этого момента будешь служить под моим началом.

Стражник просиял. Хотя посторонние люди поговаривали, что Сы Чжао-ван эксцентричный, высокомерный и властный, они также хорошо знали, что он защищает своих людей. Любой, кто завоевывал его благосклонность, при условии, что не нарушит табу, будет жить припеваючи. Хотя путь был ухабистым и опасным, он вел прямо к успеху!

Гуань Давэй видя, как этот стражник потерял голову от радости, почувствовал в душе горечь. Он пнул мужчину под зад.

- А теперь уйди с дороги! Не мешай расследованию ванье.

Гуань Давэй понял, что присутствие Сы Чжао-вана здесь было связано не с его ролью надзирателя за Императорской академией, а с его вмешательством в это дело. Вероятно, император дал ему новое назначение, поручив ведение уголовных дел. Гуань Давэй словно окатило ледяной водой. Сы Чжао-ван с самого начала преследовал его на каждом шагу. Может быть, он намеревался...

На лбу Гуань Давэя выступили капли пота. За годы работы он рассмотрел бесчисленное количество дел и хорошо знал, что многие из них были окутаны тайной. Если их пересмотреть, то под угрозой окажется не только его должность, но и жизнь. Однако он также понимал, что если он падет, то тех, кто ранее был замешан в расследованиях Министерства права, постигнет та же участь. Такая цепь событий будет иметь далеко идущие последствия, и даже Сы Чжао-ван не сможет действовать легкомысленно.

Поняв это, Гуань Давэй тихо вздохнул с облегчением, но больше не вставлял свои комментарии.

Фэн Хуань обратился к Великому наставнику.

- Что-нибудь пропало из академии?

Великий наставник и представить себе не мог, что кто-то может перелезть через стену, чтобы проникнуть на территорию академии. Такого еще не случалось.

- Нет.

Чжуан Чжун нахмурился.

- Если этот человек не просто вор, то, скорее всего, он убийца. В любом случае, мы должны его найти. На его одежде осталась мука, он ловок...

Фэн Хуань слегка прищурился.

- Этот человек, должно быть, мастер боевых искусств.

Примечания:

* Чжан - 3,33 метра

* Чи - 0,33 см

* Дайфу - обращение к врачу

* Календарь - 黄历 (huánglì) - буквально «желтый календарь» - в на каждый день указываются благоприятные и неблагоприятные направления, подходящие и не подходящие виды

деятельности и т.п.

<http://bllate.org/book/14926/1326272>